

РЕПРЕССИИ В МЕЛЕКЕССКОЙ ЕПАРХИИ В 20-Х — НАЧАЛЕ 30-Х ГГ. XX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ И ПРЕДПОСЫЛКИ

Протоиерей Пётр Сергеевич Гурьянов

аспирант кафедры церковной истории

Московской духовной академии

141310, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия

petr.gurjanv@rambler.ru

Для цитирования: *Гурьянов П. С., прот.* Репрессии в Мелекесской епархии в 20-х — начале 30-х гг. XX века: особенности и предпосылки // *Церковный историк.* 2024. № 2 (16). С. 82–93. DOI: 10.31802/СН.2024.16.2.006

Аннотация

УДК 2-674.5

В данной статье рассматривается религиозная политика большевиков в Мелекесской епархии (Ульяновской области) в 30-е гг. XX века, особенности гонений на православное духовенство и верующих. Автор анализирует предпосылки этих гонений, такие как трансформация религиозного ориентира в регионе, законодательство советской власти и поведение местных властей. Также изучается позиция Церкви в этот период, её попытки отстоять свои права в рамках закона «О свободе совести». Исследование основывается на нормативно-законодательных актах, рассказывающих о политике большевиков по отношению к религии, а также на источниках, связанных с церковной жизнью на территории Мелекесской епархии. Автор отмечает агрессивность репрессий местных властей в отношении православного духовенства и активных верующих, а также реакцию самих церковных структур на эти действия. Исследование подчёркивает сложность религиозной ситуации внутри Православия, вызванную наличием различных оппозиционных групп, а также особым рвением местных властей. Представленные данные позволяют лучше понять характер религиозных гонений и их влияние на церковную жизнь Мелекесской епархии в период советской власти. Выводы статьи представлены на основе исследования доступных источников и позволяют оценить агрессивный характер религиозной политики большевиков в Мелекесской епархии в 30-е гг. XX века.

Ключевые слова: антирелигиозная пропаганда, Ульяновская епархия, Мелекесская епархия, свобода совести, большевизм, раскол, гонения в 20-х гг.

Repressions in Melekeskaya diocese in the 20s – early 30s of the XX century: peculiarities and prerequisites

Archpriest Pyotr S. Guryanov

Postgraduate student

at the Department of Church History

at the Moscow Theological Academy

141300, Sergiev Posad, Trinity-Sergiev Lavra, Academy

petr.gurjanv@rambler.ru

For citation: Guryanov, Pyotr S., Archpriest. "Repressions in Melekeskaya diocese in the 20s – early 30s of the XX century: peculiarities and prerequisites". *Church Historian*, № 2 (16), 2024, pp. 82–93 (in Russian). DOI: 10.31802/CH.2024.16.2.006

Abstract. This article examines the religious policy of the Bolsheviks in the Melekeskaya Diocese (Ulyanovsk region) in the 1930s, focusing on the persecution of the Orthodox clergy and believers. The author analyzes the reasons for these persecutions, such as the transformation of the religious landscape in the region, Soviet legislation, and the behavior of local authorities. The position of the Church during this period is also studied, including its attempts to defend its rights within the framework of the law on freedom of conscience. The study is based on normative and legislative acts that describe the Bolsheviks' policy towards religion, as well as sources related to the church life in the Melekeskaya Diocese. The author notes the aggressiveness of the repressions by local authorities against the Orthodox clergy and active believers, as well as the response of the Church structures to these actions. The research highlights the complexity of the religious situation within Orthodoxy, caused by the presence of various opposition groups and the zeal of local authorities. The presented data allows for a better understanding of the nature of religious persecution and its impact on the church life of the Melekeskaya Diocese during the Soviet era. The conclusions of the article are based on the study of available sources and provide an assessment of the aggressive nature of the Bolsheviks' religious policy in the Melekeskaya Diocese in the 1930s.

Keywords: anti-religious propaganda, Ulyanovsk diocese, Melekeskaya diocese, freedom of conscience, schism, bolshevism, persecution in 1920.

Вводная часть: документы, нормативные акты и предпосылки

В начавшейся антирелигиозной борьбе на территории Ульяновской епархии (Мелекесское викариатство) можно выделить два взаимосвязанных между собой аспекта: административно-организационный и агитационно-пропагандистский. Первый был ориентирован на ликвидацию материальной основы функционирования церквей¹. Второй аспект был ориентирован на организацию и проведение антирелигиозной пропаганды и агитации силами региональных и местных организаций ВКП(б), ВЛКСМ, СВБ. Здесь же нужно отметить, что в этом регионе было сложное церковное устройство, что усложняло борьбу и способствовало антисоветскому движению верующих в этой местности.

В 1929 г. на территории нынешней Ульяновской области действовали три разных епархии, которые управлялись в Ульяновске тремя архиереями: Патриаршую Церковь возглавлял архиепископ Ульяновский Иоаким (Благовидов) (1860–1930 гг.)². Владыкой Иоакимом управлялось приблизительно 30 % из всех имевшихся на то время на территории Ульяновского округа Средне-Волжской области³ более шестистах приходах.

С началом принятия закона о свободе вероисповедания Церковь уже серьезно пострадала от перемен, поскольку 20 января 1918 года советское правительство выпустило декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», в котором главное положение состояло

- 1 Изымались в пользу государства церкви, храмовые постройки и монастырские территории, вводились неподъёмные налоги, разнообразные поборы, искусственные ограничения в регистрации и деятельности религиозных общин, происходили разрушение религиозного образования, изгнание, арест и репрессии в отношении священнослужителей и активных верующих.
- 2 Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 951.
- 3 В 1928 году Ульяновская губерния была упразднена. Вместе с Самарской, Пензенской и Оренбургской губерниями она вошла в состав новообразованной Средне-Волжской области с административным центром в Самаре. Эта область включала в себя 9 округов (Мордовский, Самарский, Бугурусланский, Бузулукский, Пензенский, Сызранский, Оренбургский, Кузнецкий и Ульяновский) (См.: Мухамедов Р. А., Вильчик А. А. Административно-территориальная реформа на примере Симбирской (Ульяновской) губернии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 3. С. 106). Сызрань в качестве центра самостоятельного административного округа не подчинялась Ульяновскому епископу, а Мелекес, ранее входивший в состав Самарской губернии, стал викариатством Ульяновской епархии.

в том, что Церковь и государство должны разделиться друг от друга⁴. Местная власть в регионах имела полномочия для контроля религиозных сообществ и их действий и на своё усмотрение могла устраивать репрессии. Говоря о репрессиях в Мелекесской епархии, нужно учитывать этот общий контекст времени, так как он определяет агрессивные антицерковные настроения и действия со стороны властей по всей стране⁵. Хотя исследовательница Е. А. Степанова полагает, что это был более сложный процесс, который затрагивал взаимоотношения между религиозным и светским. Основной аргумент исследовательницы заключается в том, что религиозность строится на логике, которая аналогична советскому мировоззрению, но с претензией на «исключительное владение истиной»⁶.

Основная часть: устройство епархии, особенности и репрессии

На основании обширного материала судебных дел против духовенства и мирян на территории Мелекесской епархии можно утверждать, что любая деятельность священно-, церковнослужителей и мирян, связанная с церковной жизнью, ставилась вне советского закона.

Город Мелекесс (с 1972 г. — Димитровград) до 1926 г. входил в состав Ставропольского уезда Самарской губернии, а 6 января 1926 г. Мелекесский уезд вошёл в состав Ульяновской губернии. В результате нового административно-территориального деления 1928 г. Мелекесс стал районным центром, а Мелекесский район вошёл в состав Ульяновского округа. Летом 1928 г. Указом Патриаршего Синода епископ Мелекесский стал викарием Ульяновской епархии. И Мелекесская кафедра, образованная в 1923 г., теперь стала подчиняться епископу Иоакиму (Благовидову)⁷.

4 См. подробнее: Декреты советской власти: сб. док. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Ин-т истории АН СССР: [многотомное изд.]. М., 1957–1997. Т. 1: 25 октября 1917 г. 16 марта 1918 г. / подгот. С. Н. Валк и др. С. 371–374; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1929. № 35. С. 353.

5 *Узланер Д. А.* Советская модель секуляризации // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 56.

6 *Степанова Е. А.* Советский атеизм в контексте множественной модерности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 76.

7 В результате нового районирования Мелекесский уезд был упразднён и разделён на несколько районов: Мелекесский (1928), Новомалыклинский (1935 г.), Старомайский (1928 г.),

Ульяновский Епархиальный Совет («григорианцы»), возглавляемый «архиепископом» Иоанником (Соколовским) (1889–1938 гг.), контролировал около 60 % православных приходов. Данная ситуация сложилась в результате деятельности епископа Виссариона (Зорнина Василия Павловича) (1878–1937 гг.). В 1924 г. Патриархом Тихоном он был назначен правящим архиереем в Ульяновскую епархию. С его появлением начался массовый выход приходов из подчинения обновленческого «архиепископа» Иоанна (Никольского) (1864–1937 гг.). Однако в конце 1925 г. епископ Виссарион, а также епископ Иоанний (Соколовский), который в 1928 г. заменит епископа Виссариона на посту правящего архиерея, а также архиепископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский) (1866–1932 гг.) и еще 8 архиереев создают Временный Высший Церковный Совет (ВВЦС), который, по замыслу группы иерархов, должен был управлять Церковью до времени избрания Патриарха, либо до тех пор, пока не вступит в свои права Патриарший Местоблюститель митрополит Пётр (Полянский) (1862–1937 гг.), арестованный в конце декабря 1925 г.⁸

Епископ Виссарион прибывает в Ульяновск как «законный» глава епархии, поскольку был назначен на кафедру Патриархом Тихоном, и подтверждено это было каноническим его преемником митрополитом Петром (Холмогорцевым). И даже после того, как ВВЦС окажется вне закона с точки зрения канонов Церкви, эти два назначения послужат объединению вокруг возглавляемого епископом Виссарионом Епархиального Управления большинства приходов староцерковного течения на многие годы⁹.

В дальнейшем епископ Виссарион раскается в своём участии в организации ВВЦС, о чём напишет в письме митрополиту Сергию (Старгородскому) 14 марта 1926 г., и получит прощение. Снова став архиереем староцерковного патриаршего течения, он продолжит плодотворную работу по объединению приходов. Однако спустя почти год, 16 февраля 1927 г., он снова вернулся в григорианский ВВЦС. Более того, на съезде духовенства и мирян в г. Карсуне 23 марта 1927 г. он был избран архиепископом Ульяновским и Карсунским, также было принято решение

Чердаклинский (1928 г.). Эти районы, а также правобережные Тереньгульский (1935 г.) и Сенгилеевский (1928 г.) районы впоследствии определяют административные границы Мелекесской епархии в составе Симбирской митрополии (2012 г.).

8 Акты Святейшего Тихона... С. 423–426.

9 См. подробнее: 30.06(13.07).1920. Указ Святейшего Патриарха Тихона о назначении на Рязанскую и Зарайскую кафедры архиепископа бывшего Симбирского Вениамина (Муравьёвского) / Там же.

о переходе всей староцерковной епархии в юрисдикцию григорианского ВВЦС. В результате между приходами и верующими староцерковной ориентации произошло разделение — одни поддерживали епископа Виссариона, а другие — епископа Иоакима (Благовидова) (в сентябре 1927 г. назначен епископом Ульяновским) и архиепископа Александра (Трапизына), которые признавали единственной каноничной властью власть митрополита Сергия (Старогородцева) и назначенных им епископов.

Впоследствии архиепископ Виссарион (Зорин) откажется от управления «григорианской» Ульяновской епархией, возглавит ВВЦС и станет митрополитом Московским и Ярославским. Таким образом, к концу 1920-х гг. под влиянием «григорианского» ВВЦС находилось около 60 % православных приходов Ульяновской епархии¹⁰.

Итак, в конце 1929 г. «архиепископ»-григорианец Иоанникий (Соколовский) в документах уже ставит свою подпись как митрополит. Таким образом, в Ульяновске (Симбирске) появился второй за всю историю кафедры правящий архипастырь в сане «митрополита» (первым был управлявший епархией в 1923 г. Тихон (Василевский) (1867–1926 гг.)).

Епархиальным Управлением обновленцев (ВЦС) еще с 1924 г. руководил архиепископ Иоанн (Никольский) (1864–1938 гг.). В составе обновленческой епархии было не более 10 % всех имевшихся в то время на территории нынешней Ульяновской епархии православных приходов.

Управление Ульяновской епархией осуществлялось в жёстких условиях усилившейся антирелигиозной кампании. Репрессии против духовенства и верующих можно считать её кульминацией. Одной из форм борьбы с религией и верующими была регистрация религиозных объединений, осуществляемая ОГПУ. В постановлении «О религиозных объединениях» и инструкции НКВД (октябрь 1929 г.) за Русской Православной Церковью не признавались права юридического лица. Все религиозные объединения, а также их члены, в обязательном порядке должны были пройти регистрацию. Причём они могли получить отказ без объяснений от местных органов власти. Границы церковной жизни определялись стенами храмов, в которых совершались богослужения. Не обладая правами юридического лица, Церковь не могла заключать договоры на выполнение каких-либо работ, например, ремонт здания. Поэтому договоры заключались с кем-либо из прихожан. В результате таких действий, которые расценивались властями

10 Косых И. Архиерейское служение в Симбирской (Ульяновской) епархии в 1832–1989 гг. Ч. 7. [Электронный ресурс]. Исторические материалы. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://www.pravoslavie.ru/31328.html>.

как предпринимательство, значительно увеличивалось налогообложение. В итоге священники, ограниченные в политических и гражданских правах, вынуждены были выплачивать государству с 1930 г. 75 % со всех «нетрудовых доходов», к которым относились и выплаты за отправление религиозного культа¹¹.

Так, в селе Аппаково Мелекесского района священник Данилов Герасим Иванович, заручившись официальным разрешением сельсовета, в течение нескольких дней ходил по селу с опросом, кто же из сельчан является верующим. Это было необходимо для перерегистрации общины верующих. Затем на собрании были избраны руководящие органы прихода и его устав¹². Однако это мероприятие совпало с деятельностью сельской власти по организации колхоза. Сомнения крестьян о вступлении в колхоз сельсоветом было связано с «систематической антисоветской агитацией, направленной против колхозов»¹³, которую якобы вёл священник. После его ареста 21 декабря сельсовет отрицал, что давал официальное разрешение на обход священником села. Отец Герасим своей вины не признал, а также заявлял о своей неосведомлённости о каких-либо мероприятиях по организации колхоза. Тем не менее 16 февраля 1930 г. он осуждён тройкой по ст. 58-10 УК РСФСР к 5 годам концлагеря.

Другой формой борьбы власти большевиков с религией и Церковью были массовые закрытия храмов. Этому способствовали и установленные местными Советами для выплаты церковными органами зачастую непомерно большие страховые сборы на церковные здания. В случае их неуплаты договоры на пользование зданиями храмов расторгались. И уже 20 июня 1930 г. в инструкции к Постановлению ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 1929 г. отмечается, что на местах часто встречается нарушения религиозного законодательства. В частности, речь шла о нарушениях, связанных с изъятием у верующих молитвенных зданий, а также расторжением договоров о пользовании этими зданиями, высоким налогообложением, лишением духовенства жилой площади и «разного рода других нарушениях революционной законности, препятствующих служителям культов отправлению культов»¹⁴.

11 Там же.

12 Архив Управления ФСБ по Ульяновской области (далее – АУФСБ УО). Ф. 8. Д. 1536. Л. 20.

13 АУФСБ УО. Д. 1536. Л. 40.

14 Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. Документы и фотоматериалы / сост. О. Ю. Васильева. М., 1996. С. 282.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. стало основанием для ужесточения религиозного политического курса государства в отношении Церкви, духовенства и активных верующих. Необходимость сбора подписей для прохождения религиозными организациями государственной перерегистрации и выплаты ими непосильных налогов при активном противодействии местных властей, а также закрытие храмов и борьба со святынями — всё это создавало условия «законного» преследования духовенства и активных верующих и, как следствие, возбуждения против них уголовных дел. Так, против самостоятельно обходивших дома односельчан членов церковного актива возбуждались уголовные дела по обвинению последних в проведении контрреволюционной агитации в домах граждан. При этом как идейный вдохновитель антисоветской работы на селе арестовывался и местный священник. Свидетельством тому является множество уголовных дел, о которых пойдёт речь ниже.

В декабре 1927 г. в Москве завершил работу XV съезд ВКП(б), одобрявший директивы по первому пятилетнему плану и провозгласивший курс на коллективизацию. Всех несогласных с политикой советской власти объявили контрреволюционерами. В апреле 1928 г. был принят закон о едином сельскохозяйственном налоге, которым были расширены льготы для колхозников и увеличен налог для единоличников и кулаков. По данным ОГПУ с января 1928 по декабрь 1929 г. было зафиксировано 13 000 бунтов и массовых крестьянских выступлений по всей стране, во время которых десятки тысяч крестьян были арестованы¹⁵, что свидетельствует о сопротивлении крестьян политике коллективизации.

Так, за распространение «провокационных слухов» и подготовку массовых выступлений в 1929 г. был арестован и осуждён на пять лет ссылки в северный край настоятель храма в селе Большая Кандаля Старомайнского района Средневолжского края Александр Сунгуров (1863–1937 гг.)¹⁶. Что действительно сделал о. Александр, так это ходил по селу и спрашивал у прихожан лошадей, чтобы перевезти своё имущество, поскольку власти его из собственного дома выселили и приказали в кратчайшее время освободить дом и подворье. Однако жители забеспокоились о том, что храм закроют, а священника арестуют, и в количестве ста человек выступили в защиту о. Александра¹⁷. Несмотря на то, что жителям

15 Скала А., *прот.* Церковь в узлах: история Симбирской-Ульяновской епархии в советский период (1917–1991 гг.). Ульяновск, 2007. С. 195.

16 Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 552.

17 АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 2315. Л. 19.

села сначала удалось отстоять священника, через месяц его всё-таки арестовали. После освобождения о. Александра снова арестовали и за «сокрытие церковных ценностей», а также за «антисоветскую агитацию и контрреволюционную пропаганду»¹⁸ в 1937 г. расстреляли.

Так, в феврале 1930 года была обнаружена «кулацкая группировка»¹⁹ в селе Красная Река Старомайнского района Средневолжского края. В неё входили четверо зажиточных крестьян и священник Иаков Семенович Кольчин (1889–1930 гг.). Согласно показаниям свидетелей, священник оказывал сопротивление снятию колоколов с храма, приносил антисоветские проповеди, а также вёл пропаганду обновления икон в домах верующих²⁰. В обвинительном заключении сказано, что священник И. С. Кольчин и четверо мирян оказывали активное содействие белым против красных, на нелегальных совещаниях обсуждали вопрос — «как противодействовать мероприятиям, проводимым на селе», вели агитацию против кампании хлебозаготовок и сбора задатков на трактора, «запугивали бедноту и актив села, ввиду чего задержалась коллективизация села и проводимые кампании», «активно способствовали белым и задерживали наступления красных, сжигая мосты»²¹. Священник Иаков на допросе предъявляемые обвинения не признавал, утверждая, что «проповеди еженедельно говорил и исключительно на тему поучений из Евангелия, антисоветской агитации никогда не вёл и во время проповедей в церкви против советской власти и её мероприятий не выступал»²². Несмотря на отсутствие доказательств противозаконных действий о. Иакова, его осудили и по постановлению тройки ОГПУ по Средневолжскому краю по ст. 58–10 УК РСФСР через два месяца после ареста расстреляли. Такой приговор довольно редко встречается в судебных делах в отношении священно-, церковнослужителей в начале 1930-х гг.²³

Если в сёлах духовенство преследовалось как пособник кулачества и враг колхозного строительства, о чём уже говорилось выше, то в отношении городских священнослужителей ОГПУ приходилось действовать иным образом. В городах начали выявлять некие контрреволюционные

18 Там же. Д. 2315. Л. 32.

19 Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 545.

20 АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 5264. Л. 86.

21 Там же. Л. 98.

22 Там же. Л. 55.

23 На территории Мелекесского викариатства в означенный период было два «расстрельных» приговора. В 1930 году также был расстрелян священник Гневушев Александр Фёдорович, о котором будет сказано ниже.

ячейки и группы, которые якобы имели влияние на деревню. Специальным секретным предписанием полномочного представителя ОГПУ по Средневолжскому краю от 16.10.1930 г. всем отделам ОГПУ, начальникам опергрупп и горотделов приказано «очистить города от всего антисоветского элемента». Согласно с этим предписанием «подлежали изъятию... лица, представляющие из себя социально-вредный элемент в политическом отношении»²⁴. Разумеется, в числе первых в эту категорию попадали служители Церкви. Попадало духовенство и в число иных «элементов», а именно: тех, кто «не занимается общественно-полезным трудом за всё время существования советской власти». После закрытия большинства городских храмов священнослужители остались безработными и, по причине своего бывшего служения Церкви, не могли устроиться ни на какую иную работу (если не считать получение «прощения» от власти после публичного отречения от веры и Церкви), и они попадали и под третью категорию врагов: «Безработные, которые не могут быть допущены на работу по политическим мотивам (по классовому признаку и проч.)»²⁵. В случае невозможности отнесения активных верующих к перечисленным категориям выручала отдельная статья: «Проявляющие активную антисоветскую деятельность, члены церковно-приходских советов...». В этом предписании ПП ОГПУ есть и ещё одно характерное положение: «...надо подбирать на каждое лицо компрометирующий материал, содержащий в себе достаточно оснований для заключения в концлагерь и исправительно-трудовые дома»²⁶. В этом на помощь ОГПУ приходили доносчики из Союза воинствующих безбожников. Но иногда для законного оформления уголовного расследования необходимы были зафиксированные показания свидетелей. Главный чекист края предписывает заранее подготовить таких свидетелей, которые могли бы давать нужные следствию показания.

Заключение: особенности гонений в Мелекесской епархии

В результате репрессивной политики большевиков только на территории нынешней Ульяновской области было расстреляно 1607 человек, а всего репрессировано 7638 человек. За годы репрессий было

24 Цит. по: Скала А., *прот.* Церковь в узак. С. 358.

25 Там же.

26 Там же.

репрессировано 602 «служителя культа». На территории Мелекесского викариатства было приговорено к лишению свободы 99 священников и церковнослужителей, 35 священников было расстреляно, 76 активных мирян были лишены свободы, а 22 мирянина были расстреляны. Уже к концу 1937 г. в тюрьмах оказались все архиереи Ульяновской епархии, почти всё духовенство, проживавшие в сёлах монахи и верующие²⁷.

Анализ репрессий в отношении православного духовенства и мирян на территории нынешней Мелекесской епархии показывает, что по религиозным и внерелигиозным мотивам политика большевиков в Ульяновской епархии (Мелекесское викариатство) в 30-е гг. XX века является агрессивной. Источники: нормативно-законодательные акты, которые раскрывают общую позицию большевиков в отношении религии, проведение религиозного курса местными партийными органами; источники по церковной жизни на данной территории (тематические журналы, агитационные материалы, публицистика, периодическая печать), они показывают агрессивную практику осуществления репрессий местными властями в отношении православного духовенства и активных верующих, а также ответную реакцию и результаты репрессивной политики на территории нынешней Мелекесской епархии; следующий пласт источников, подтверждающий агрессивную политику большевиков в отношении религии — это материалы судебных дел и архивные материалы.

Таким образом, можно сказать, что предпосылки гонений в Мелекесской епархии были обусловлены трансформацией религиозного ориентира в регионе, законодательством советской власти, а также самоуправством местных властей, которые формировали агрессивное поведение по отношению к священнослужителям и верующим. В этот период российская общественность 20-х гг. XX в. находилась в процессе обсуждения текущего законодательства о свободе вероисповедания. Церковь пытается отстаивать свои права в рамках закона «О свободе совести», учреждённом советской властью. Но кардинально антирелигиозная политика власти не меняется, а наоборот, ужесточается и становится более тоталитарной. В связи с этим Церковь и верующие переживают в Мелекесской епархии сложное время религиозных гонений, фактически меняется территориально-административное деление в регионе, происходит много церковных перемен (григорианство),

27 См. Книга памяти жертв политических репрессий. Ульяновская область / Рос. Федерация. Ульян. обл.; Сост. и ред.: Ю. М. Золотов. Ульяновская обл. прокуратура / Ульяновск, 1996. Том 1. 1022 с.

уничтожаются церковные иерархи, что подрывает руководство в епархии. Источники показывают различные сложные кейсы, которые возникают в регионе. Они обусловлены проблемной религиозной ситуацией внутри Православия из-за различных оппозиционных групп, а также особым рвением местных властей.

Библиография

- Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / сост. М. Е. Губонин. М., 1994. 1063 с.
- Архив Управления ФСБ по Ульяновской области. Д. 1536. Дело священника с. Аппаково Мелекесского района Данилова Герасима Ивановича. 1929 г.
- Архив Управления ФСБ по Ульяновской области. Д. 2315. Дело священника села Большая Кандава Старомайнского района Александра Сунгурова. 1929 г.
- Архив Управления ФСБ по Ульяновской области. Д. 5264. Дело о кулацкой группировке в селе Красная Река Старомайнского района Средневожского края. 1930 г.
- Декреты советской власти: сб. док. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Ин-т истории АН СССР: [многотомное изд.]. М.: Политиздат, 1957–1997. Т. 1: 25 октября 1917 г. 16 марта 1918 г. / подгот. С. Н. Валк и др. 640 с.
- Книга памяти жертв политических репрессий. Ульяновская область / Рос. Федерация. Ульян. обл.; Сост. и ред.: Ю. М. Золотов. Ульяновская обл. прокуратура / Ульяновск, 1996. Том 1. 1022 с.
- Косых И.* Архиерейское служение в Симбирской (Ульяновской) епархии в 1832–1989 гг. [Электронный ресурс]. Исторические материалы. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://www.pravoslavie.ru/31328.html> (дата обращения: 20.05.2023).
- Мухамедов Р. А., Вильчик А. А.* Административно-территориальная реформа на примере Симбирской (Ульяновской) губернии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 3. С. 104–107.
- Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1929. № 35. Ст. 353.
- Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы / сост. О. Ю. Васильева. М., 1996. 352 с.
- Скала А., прот.* Церковь в узаконенный период: история Симбирской-Ульяновской епархии в советский период (1917–1991 гг.). Изд.: ОАО «ИКП ‘Ульяновский дом печати’», 2007. 968 с.
- Степанова Е. А.* Советский атеизм в контексте множественной модерности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 67–82.
- Узланер Д. А.* Советская модель секуляризации // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 62–69.